

О СОВРЕМЕННОМ БОГОСЛУЖЕНИИ

Вашему вниманию предлагаются ответы преподавателей Литургики на вопросы, которые, по нашему мнению, были бы интересны всем учащимся духовных школ и на которые, быть может, многие уже пытались дать ответ себе или своим друзьям. Надеемся, что эти ответы помогут многим более ясно определить свое мнение, ибо наша позиция всегда должна учитывать мнения других людей, тем более если это мнение наших учителей.

Илья Шугаев, II курсМДА, Георгий Рошин, 4 класс МДС.

Вопрос 1: Сейчас во многих приходах участие людей в церковной жизни почти полностью сводится к присутствию на богослужении. Не ущерб ли это для полноты церковной приходской жизни? Каково место богослужения в этой жизни?

Архимандрит Матфей (Мормыль). Насколько мне помнится фраза М.Н. Скабаллановича, он говорил, что вся жизнь человека — это служение Богу, а церковная молитва — это завершение этого служения. В храме мы имеем и фундамент, и стены, и своды, и купол, и маковку. Так что, собственно, литургическая жизнь каждого христианина не ограничивается только присутствием за богослужением, когда человек просто побыл несколько часов в церкви в общении с Богом и ушел. Присутствие за богослужением может быть и духовное, а не только телесно-физическое. Ведь почему существует у нас звон, который подает как бы сигнал отсутствующим за богослужением о том, какое совершается священнодействие в храме. Так что, когда мы молимся, мы не должны думать, что только мы присутствуем в храме. Мы не вправе так даже мыслить, отделяя себя стенами храма. Что жизни и благодатного единства с общиной нет у тех, кто не может присутствовать за богослужением, мы не можем говорить. Так что говорить по поводу ущерба или неполноты церковно-приходской жизни — это слишком смелые мысли, я бы так не сказал.

Одинаковую ли роль играет богослужение в жизни мирянина и монаха?

Скорее всего, в монастыре существуют лучшие возможности приобщиться к богослужению. Ведь вы сами знаете по Лавре, особенно в последние годы, что наша братия не вся может присутствовать за богослужением. И если вы помните из истории Студийского устава, что не все из монахов могли присутствовать за богослужением. В какой-то момент богослужения присутствовали все, а какую-то часть богослужения отправляли только те, кто поставлены совершать его, а остальные уходили на послушания. Все зависело еще и от обстоятельств, даже от времени года. В монастыре просто ярче выражена церковная общинная жизнь. Но вообще я сказал бы, что мы не вправе расчленять наше богослужение и отделять монашеское, потому что монахи — это те же миряне. Конечно, по мысли святителя Игнатия (Брянчанинова), монахи — это авангард христианства, но это миряне. У них больше опыта молитвенного и больше всего у монахов келейного молитвенного опыта. Так что приходит в церковь монах или мирянин, общественная молитва для всех одинакова, но помимо общественной молитвы, у монаха есть еще и келейное правило, когда он должен увеличить часы молитвенные. У мирянина эта возможность из-за суеты семейной ограничивается, и, конечно, все зависит еще от благослове-

ния духовника. Так что сказать, как некоторые студенты думают, что монастырское богослужение — это нечто чужеродное или какое-то "сверх"-богослужение и слишком отделяют его, было бы несправедливо. Неслучайно монастырское богослужение завоевало авторитет и встало на первое место. Ведь до XVII столетия у нас, например, был живым устав Великой церкви, пока были возможности в Успенском соборе Кремля отправлять богослужение со многими деталями этого устава, как мы это видим в чиновниках, описанных профессором А.П. Голубцовым. А потом с перенесением столицы в Петербург все это отпало, и можно сказать, что патриаршее богослужение, или устав Великой церкви, потеряли свою актуальность. Поэтому у нас преимущество осталось за монастырским чином.

Протоиерей Сергей Правдолюбов. Думаю, что вопрос поставлен не совсем корректно. Именно сейчас во многих храмах участие в жизни прихода проявляется во многих различных делах: физический труд по восстановлению храма, участие в организации обучения детей в Воскресной школе, уход за престарелыми и одинокими, обмен одежды и обуви среди прихожан (особенно быстро вырастающих детей), шефство над домами престарелых и домами ребенка, издание приходских листов, и многие другие дела. Но все же богослужение является самым главным и необходимым для прихожанина в его жизни делом. Без этого приход рискует превратиться в общество любителей какого-нибудь доброго дела или благотворительную гуманитарную организацию. Обязанностью настоятеля является соблюсти тончайшее соотношение должных пропорций в служении ближним и служении Богу в Храме.

Священник Вячеслав Тулунов. Присутствие за богослужением не может быть ущербом для приходской жизни. Ущербом является то, что кроме богослужения нет почти никаких других форм жизни православного прихода. Богослужение, особенно Евхаристия, всегда было и должно оставаться центром духовной жизни христианской общины. Основная задача современной церковной жизни — воссоздать внебогослужебные формы приходской деятельности.

Это проблема достаточно широкая. Здесь сказывается отсутствие миссионерского опыта, так как в годы советской власти миссионерская деятельность Церкви вне храма жестко пресекалась. Сложилась определенная стереотипы в сознании духовенства и мирян, в которых отсутствует миссионерская направленность. Сейчас

Вопрос 2: Сейчас к таинствам и обрядам Церкви все чаще обращаются люди нецерковные (венчание, подача записок на Литургию, отпевание и т.д.). Как относиться к этому?

О. Матфей. Что значит "нецерковный"? Мы должны взвесить значение этого слова. Нецерковными мы можем назвать и людей, которые только крестились, но не чужды Церкви, или тех, кто христианами именуется, но в церковь по тем или иным причинам не ходят, или тех, кто духом Церкви не живет, хотя и ходит в храм. Слово одно, а понимать его можно различно. Если люди нецерковные сами обращаются с личной просьбой — это одно дело; когда они просят за других, — заказывают отпевание, например, или подают записки, в которых упоминают своих родственников, которые были церковными, — то сам по себе вопрос отпадает.

А что касается малоцерковных, то трудно отделить, где плевелы, а где пшеница. Ведь человек бывает нецерковным и в силу своего личного нерасположения к Церкви, или, наоборот, быть может, он вырос в атеистической среде. Но если желание у него есть, о чем говорит уже само обращение, то это обязывает нас к внимательному отношению к этому человеку. Например, на венчании бывает так, что приходит человек нецерковный, но крещеный. И во время беседы, внушения человек и становится на истинный путь и постепенно воцерковляется.

На венчании бывает и так, что на нем настаивают родители, а дети хотя и крещеные, но нецерковные.

люди воцерковляются фактически в основном через богослужение. Такой метод миссии, конечно, недостаточен. Надо пробудить желание у членов Церкви идти навстречу приходским в храм и вести активную миссионерскую работу вне богослужения.

В настоящее время редко можно увидеть сплоченную вокруг храма христианскую общину, а ведь в идеале каждый христианин должен кроме участия в богослужении деятельно проявлять себя в общинной жизни. Отсутствие таковой, конечно, является ущербом церковной жизни.

Иеромонах Тихон (Зайцев). Печально констатировать, но это — факт: участие людей в жизни прихода ныне сводится лишь к присутствию на богослужении. Да, да, именно к присутствию. В чем же причина? В том, что богослужение стало пониматься не только прихожанами, но и священнослужителями как цель, а не как средство общения с Богом. Пришел, купил свечку, подал записку, постоял и ушел самодовольным, но в душе, обманутой этим самодовольством, опустошенным. Совсем забыли мы, что на сердце зрит Бог, именно там начинается богослужение, там центр духовной жизни. Это величайший ущерб, и, прежде всего, своей собственной душе.

Алексей Мстиславович Пенгковский. Присутствие на богослужении не может исчерпать полноты приходской жизни, существуют и другие ее формы. Однако участие в богослужении (а не присутствие на нем) должно занимать центральное место в жизни прихожанина (члена общины), поскольку именно богослужение, по словам о. Александра Шмемана, созидает и выражает Церковь как единство Тела, Глава которого Христос.

Здесь, конечно, мы не должны профанировать само таинство. А с другой стороны, должны проводить работу и с новобрачными, и с самими родителями, выяснить, почему родители допустили, что их дети не ходят в храм, а потом они их заставляют венчаться и думают, что если они повенчаются, то счастье брака уже обеспечено, и сразу создается семья. Не нужно в данном случае искушать Господа. Так что внушение нужно делать и тем, кто венчается, если они нецерковные, и тем, кто их приводит.

А "церковный" вовсе не значит просто часто ходить в храм. А то можно говорить: "Я, мол, церковный человек, мы дома всегда на Пасху красим яйца и печем куличи", — в этом заключается вся его церковность. Конечно, по преподобному Серафиму, это черные головешки. Но молитва Церкви должна быть усугублена о таких людях. Ни в коем случае нельзя никого отвергать, тем более если они крещеные, и тем более если они сами обращаются. Господь говорит: "Грядущего ко Мне не изжует вон". Нельзя, конечно, сразу и отеческие объятия распространять человеку и открывать ему все, надо человека приготовить.

Если говорить о подаче записок, то надо сказать, что в Лавре нам сложно проконтролировать, чтобы в записках были только имена крещеных людей, потому что

здесь тысячи людей, и записки просто кладутся на блюдо свечного ящика. Единственно подозрение возникает, когда мы сами видим в записках неправославные имена. Но может быть так, что и мы просто не знаем эти имена. Например, владыка Антоний (Завгородний) в горных республиках Ставропольской и Бакинской епархии давал разрешение священникам поминать имена сугубо национальные, но только крещеных, хотя они, может, и не носят имена христианские.

О. Сергей. Как всегда. Проповедовать и воцерковлять, учить детей и взрослых. Терпеливо и настойчиво, методично говорить и говорить, писать, печатать, разъяснять, то есть делать то, что и входит в прямые обязанности священника. Наше время в этом плане приближается к раннехристианскому. Патриархальная Русь уже полностью в прошлом. Не отчаиваться, но трудиться в проповеди слова Божия, в обучении людей христианскому образу жизни и мысли. Но нельзя преподавать Святые Таинства всем подряд в огульном всепрощении и, в итоге, равнодушии к Богу. До ревности любит Дух, живущий в нас! (Иак. 4,5). «Не бо врагом Твоим тайну повем» (Молитва перед Святым Причащением).

О. Вячеслав. Как к этому можно относиться? Конечно, только отрицательно. Есть четкие церковные правила насчет возможности участия нецерковных людей в православном богослужении и таинствах. Однако они почти повсеместно игнорируются по различным причинам.

Почему стало возможным, что крестятся почти неверующие люди? Одна из главных причин заключается в том, что нет христианской общины, то есть Церкви в данном конкретном месте. А поскольку нет четкой границы вселенской Церкви, то человек сам определяет, является ли он членом Церкви или не является. А по канонам не человек должен определять это, а Церковь в лице иерархии и всей церковной полноты. Если бы существовала община церковная, то она и определяла бы, член ли этой Церкви данный человек или нет. Это и есть критерий: если входит человек в эту общину, живет ее жизнью, если не переступил он заповеди Господни, то он может участвовать во всех таинствах и чинопоследованиях. Если же он за пределами общины, а значит и Церкви, то не может участвовать. Церковь для нас является любящей матерью, но должен быть предел вседозволенности. Пусть такой человек присутствует на Литургии до "Оглашенные, изыдите", а всенощную, конечно, он может и всю постоять. Сейчас же распространен примерно такой путь приобщения к Церкви. "Веруешь? — Вроде да. — Иди в храм, исповедуйся и причастись". Многие с легкостью, не задумываясь, подталкивают нецерковных

людей к Святым Таинствам. С человеком надо еще много и много поработать, чтобы он пришел ко Христу. А вместо этого: "Иди и причастись". Таинства — для верных, и не надо привлекать неверных к таинствам. Необходимо воссоздавать те чинопоследования, которые подготавливали человека к таинствам. Церковь никогда приходящего не отвергала, но серьезно готовила его к духовной жизни. Например подготовка ко Крещению длилась месяцы, а иногда и годы. Столько же продолжалось покаяние тех, кто согрешил, но желал воссоединиться с Церковью через таинство Святой Евхаристии. Сейчас накопилось множество проблем в литургической жизни православного прихода. Что же делать? Наверное, необходимо возвратиться на круги своя, то есть возродить христианскую общину, возродить понятия "верный" и "оглашенный". И здесь не будет никакой дискриминации. Наоборот, это должно делаться по любви, ибо участие в таинствах людей неподготовленных принесет им только вред.

О. Тихон. Уже одно то, что люди сейчас приходят в Церковь, стремятся найти именно здесь то, что не находят в жизни, радует. Другое дело, как мы, христиане относимся к пришедшим, чем руководствуемся в обращении с ними, что от них хотим. Если хотим, чтобы они вошли в ограду Церкви, необходимы с нашей стороны внимание, наставление, соучастие, необходима жертвенная любовь к ним ради Христа.

А.М. Пентковский. Желательно понять причину обращения людей нецерковных к таинствам Церкви, и тогда не вызовет значительных трудностей определение отношения к этому обращению. Сведение же таинств Церкви к народным традициям недопустимо, а рассматривать участие людей нецерковных в церковных таинствах как форму катехизации едва ли возможно даже при полном запрещении катехизации.

Вопрос 3: Сейчас мы видим значительные изменения в суточном круге богослужения (утреня совершается вечером, Великим постом вечерня совершается утром, всенощное бдение не совершается ночью). Возможно ли возвращение служб на их первоначальное место? Когда и почему произошли изменения?

О. Матфей. У нас были "идеальные всенощные" на рубеже XIX и XX веков и перед революцией. Известный М.Н. Скабалланович описывал этот опыт, и это было очень интересно, это было выражением своего рода ренессанса, духовного подъема у нас в Русской Церкви. Этот опыт имел очень благие последствия, потому что, когда пошла волна обновленчества с модернизацией многих традиций, быть может, и этот опыт оказал свое действие, и наша Церковь тогда устояла в великих искушениях.

Скорее всего, у нас нет таких значительных изменений в суточном круге богослужения, здесь скорее всего анахронизм, то есть смещение служб относительно друг друга. Например, в Лавре полунощницу утром служат, а утреня совершается вечером, то есть до полунощницы. Это, конечно, нельзя считать правильным. Но на это было благословение святейшего Патриарха Алексия I, потому что такое положение было вынужденным. Тогда лаврская служба только возрождалась. И в 1946 году, когда возвратились сюда монахи, все было в ведении музея. Поэтому нельзя было собирать на полунощницу людей в полночь, когда храм принадлежал музею. Поэтому стали служить вечером вечерню и утреню, а утром братский молебен, утренние молитвы и полунощницу. Вначале это был вынужденный порядок, но когда Лавра начала обживать, то такое богослужение постепенно стало уже как бы правилом и приобрело законность и стало своего рода эталоном. Мы же видим, что это неправильно, хотя и не оставляем "правила". Правда, в Великий пост мы совершаем все своевременно, и нет никаких перестановок служб по отношению друг к другу.

А по поводу того, что утреня совершается вечером, то просто заявляю, что наш монастырь находится не в пустыни, где мы могли бы заниматься только самими собой и совершать богослужение в надлежащем порядке, но Лавра находится как бы на положении прихода и направлена на возможности людей, поэтому и происходит все именно так. Например, поздняя Литургия у нас совершается скорее для людей приезжающих. Если она будет совершаться раньше — в 9 часов, — то уже будут неудовольствия, почему рано начинают службу, ибо многие едут из Москвы, чтобы поисповедоваться и причаститься. Поэтому поздняя Литургия остается в 10 часов. Раннюю Литургию служат для местных, среднюю — у преподобного Сергия.

Вот в Подмосковье я знаю несколько таких приходов, где приноравливают все к расписанию транспорта. Один из иеромонахов, который служит в Подмосковье, говорил: "Я расписание своих служб так и распределил: начинаю утреню в такой-то час, зная, когда приходит к храму крайне редкий автобус. Значит, они приезжают к шестопсалмию, а я всю проскомидию и вводную часть

утрени до шестопсалмия совершаю без них. Они слушают шестопсалмие. Во время утрени и часов я исповедую. Стараюсь отправить утреню с Литургией без перерыва, поэтому сразу после утрени читают часы. Я внимательно слежу, чтобы не пропустить подход автобуса и люди могли помолившись и причастившись спокойно уехать". Видите, этот батюшка просто сообразуется с обстоятельствами.

Само всенощное бдение должно быть продолжительным. Возьмите устав лавры Саввы Освященного и Студийский устав. В первом случае, пустынники приходят в Лавру на субботу и воскресенье, у них, может быть, даже нет места, где остановиться, и единственным пристанищем для них является храм. Они приходят на вечернее богослужение, и здесь есть все: можно посидеть во время богослужения, им после чина благословения дают возможность подкрепиться хлебом и вином. Здесь они всю ночь молятся и утром причащаются. А после причащения монахи могут вернуться снова к себе в кельи. Поэтому непрерывное моление возникло из-за того, что палестинские монахи-пустынники останавливались при монастырях. У студитов все иначе. Они жили в монастыре городского типа и за стену монастыря не выходили. Они служили вечерню, затем расходились, ужинали, сразу же совершалось повечерие, молитвенное правило и краткий отдых. Затем воскресная полунощница, и опять все шли на утреню и так далее. Поэтому всенощная учитывает и время, имеющееся у монахов, и суточный круг не нарушает, чтобы не было анахронизмов. И мы согласно евангельскому принципу "суббота для человека, а не человек для субботы" должны сообразовывать время богослужения, ибо хотя это и служение Богу, но — служение людей.

Конечно, я не поддерживаю той практики, когда утреня служит вечером, а полунощница утром. Но эта практика вынуждена, и она требует пересмотра. Я вносил предложение на совете старцев по поводу повечерия, ибо оно как таковое выпало из суточного круга Лавры, но пока отклика на это предложение нет.

У некоторых братий монастыря есть желание совершать богослужение более полно. Выражаю благодарность отцу наместнику, ибо он поддерживает эту инициативу. И действительно, можно там, где есть скиты или один из приписных к Лавре храмов, идеально выполнять Устав. Или можно в самой Лавре выделить какой-то один храм и совершать там богослужение так, как это положено по Уставу. Пусть группа наиболее подготовленной братии совершает его. А для всего монастыря это трудно. Даже в Киево-Печерской Лавре до революции при всей возможности и многочисленности братии все равно были разные уставы.

Почему произошли изменения? Здесь может быть много разных причин. Но изменения эти появились еще до революции.

Лаврский устав сейчас тоже становится эталоном. Ведь были же попытки новооткрывающихся монастырей возродить свой местный устав. Но даже в той же Оптине пришли к нашему лаврскому уставу, потому что увидели, насколько это сложно. И, как я слышал, на Валааме среди старцев и братии тоже существует неудовлетворенность существующим у них положением из-за того, что, с одной стороны, хочется вернуться ко старому идеальному уставу, но, с другой стороны, сейчас мало братии, и не хватает сил, чтобы все это исполнить. Поэтому братия выбивается из сил. Не случайно Студийский устав чередует молитву и отдых: вечерня, ужин, повечерие. И по Иерусалимскому уставу всенощная совершается не более 70 раз в году, потому что это большой труд и не всякий может его выдержать. Об этом посмотрите в трудах владыки Афанасия (Сахарова).

О. Сергей. Изменения произошли так давно, что приобрели «освящение древностью». Изменения произошли из-за соображений благочестия и благоговения, связанных с осознанием несовместимости вечернего причащения Святых Христовых Тайн с должным временем предшествующего поста. Не вижу никаких причин возвращения на прежнее место данных служб. Задача нашего времени состоит в том, чтобы удержать сохраняемые традиции, устное предание и живую и действенную связь с нашими святыми людьми земли Русской. Сломать так легко! Построенное вновь будет оторванным от отеческого преемства. В людях, желающих перемен, говорит гордость и самомнение, вера в «прогресс». Но ведь даже в технике далеко не во всех областях нашей жизни появляется лучшее. В нашем храме, например, сохранилась уникальная кирпичная печь для воздушного отопления храма. Сгоряча мы хотели восстановить систему отопления XIX века. Архитектор остановил нас, сказав, что у нас не хватает технических знаний и опыта восстановления такой тонкой технологии, — восстановить сейчас это почти невозможно. Может быть потомки смогут, а мы уже нет. Не так ли во многом и с нашим богослужением?!

О. Вячеслав. Возродить все это можно, но там, где все это зародилось, — в монастырях. На приходе, прак-

тически, невозможно сделать, чтобы 9-й час был в третьем часу дня, а первый час в семь часов утра. Вообще я считаю, что могут существовать приходы с различными уставными традициями. Если кто хочет служить, в точности соблюдая Устав, то почему бы нет? Если кто хочет служить всенощную всю ночь, то пусть служит. Но при этом надо дать выбор и другим. Сейчас многие люди работают с раннего утра до позднего вечера, смогут ли они в точности выполнить Устав, созданный в монастырях?

А в монастырях возврат к точному исполнению Устава возможен, если монастыри будут усиленно заниматься не финансово-экономической деятельностью, а молитвой. Если некоторые монастыри возьмут за основу скитский устав, то есть у всех насельников будет маленькое рукоделие, а остальное будет посвящено службе, то Устав можно соблюсти идеально. Это дало бы выбор и монахам. Конечно, от всех монастырей этого потребовать нельзя, многие из них обслуживают паломников со всей России и не могут не заниматься хозяйственной деятельностью.

О. Тихон. Устав, которым руководствуется Православная Церковь при отправлении богослужения составлен применительно к условиям жизни монашеской, монастырской. строгое соблюдение его может нарушить внешний порядок жизни людей, живущих вне монастыря. Возьмем, например, великий праздник. Накануне в 21-22 часа всенощное бдение, заканчивающееся с восходом солнца. В 8 часов человек должен быть на работе. Каков результат?

А когда и почему произошли изменения сказать не могу.

А.М. Пентковский. Желательно, конечно, видеть утреню утром, а вечерню — вечером, но такое серьезное изменение в литургической традиции возможно только после соборного обсуждения и решения. А для ответа на вопрос о времени и причинах изменений в литургической традиции следует обратиться к истории богослужения во II тысячелетии, особое внимание уделив усилившемуся в XIII-XV вв. влиянию монашества.

Вопрос 4: Сейчас приходские храмы пользуются монастырским Уставом богослужения, конечно же, с сокращениями, которые каждый храм определяет по-своему. Возможно ли появление особого приходского Устава богослужения с равной и обязательной для всех мерой в службе?

О. Матфей. Я не допускаю, чтобы наши приходские уставы смогли стать на собственную основу. Поскольку красоту монастырского типа богослужений все знают, то кардинально что-то изменить вряд ли возможно. Особый приходской устав, наверное, ничем не будет отличаться от монастырского, и речь будет идти только о количестве песнопений и молитвословий.

В 1955 году при Патриархе Алексии I и заместителе архимандрите Пимене (Извекове), будущем патриархе,

был открыт академический храм. Поскольку до этого в Лавре было три литургии, среднюю при содействии заместителя перенесли в Академию, чтобы люди шли туда молиться. Он был сторонником того, чтобы этот храм был любимым у богомольцев. И Патриарх Алексий, и будущий Патриарх Пимен старались, чтобы этот храм сделать образцом того богослужения, которое будут совершать у себя на приходе будущие священники. Поэтому нормой и эталоном для всех приходов мо-

жет служить именно практика Академического храма. Это реально действующий приходской устав. И, быть может, не стоит говорить о новом уставе. Один из членов Синода, говоря о работе Синодальной богослужебной комиссии, предложил упорядочить богослужение, и его просьба уместна и животрепещущая, но судя по тому, как в Академии совершается богослужение, оно многих удовлетворяет. Это не длинное монастырское богослужение, но тип — монастырский.

А если нам говорить о чинах и последованиях приходского устава, значит нам надо вернуться к типичным домонашеским и, быть может, к обычаю распевания псалтири и канона, какой был у нас до середины XVII века, что, видимо, уже невозможно. Это будет шокировать наших верующих, привыкших к современному типу богослужения. Тем более, эти уставы намолены веками. Ведь, наша Лавра имеет святых XIX века: митрополита Филарета, митрополита Иннокентия, готовится канонизация архимандрита Антония. Что изменилось с того времени? Те же старые лаврские книги, даже ноты, благословленные святителем Филаретом, по которым мы служим и поем. Структурных изменений в них нет. Конечно, качество молитвы изменилось, и нам надо совершенствоваться.

Традиция сильна живостью, и она создана с любовью ко Христу и богослужению, это уже частица Тела Церкви. Это плод благочестия.

О. Сергей. Надо узнать и полюбить нынешнее богослужение, и тогда вы увидите, что практически выработанная схема богослужения уже существует, одинаковая и для Санкт-Петербурга, и для Москвы, и для Рязани и для Тамбова. И вовсе не «каждый храм по-своему» сокращает, это говорят от незнания. Можно выработать «типовой современный приходской устав богослужения», как в Греции, но это не столь важно. Пусть этим занимается Синодальная богослужебная комиссия. Мы должны сохранить то, что выработано нашими предшественниками. Этого вполне достаточно для спасения.

О. Вячеслав. Фактически, приходской устав уже создан. Вопрос в том, нужно ли его узаконивать. Разница в том, на сколько тропарей читать канон: на 3, 4, или на 5 — это уже маленькая разница. Легализация возможна, но она, скорее всего, не произойдет по одной простой причине. Древний монашеский устав служит нам все-таки примером того, как молились наши отцы, как они жили. Мы все это не соблюдаем и это приводит нас к чувству смирения и собственного недостойнства. Сокращая, мы переживаем, что мы не такие, как они. Если же узаконить сокращения, которые постепенно утвердились на приходах, то откроется путь к еще большему сокращению. Мы сократили устав и считаем, что дальше некуда. Но если сейчас два часа службы уже считается много, то через 20 лет скажут, что два часа — это просто немыслимо, и надо дойти до одного часа. И тогда процесс может пойти дальше. А монастырский устав для нас является своеобразным якорем, и если мы сейчас этот якорь поднимем, то нас снесет, и мы будем вынуждены зацепиться уже где-нибудь на мели.

О. Тихон. Приведение приходского богослужения к однообразию просто необходимо. Но о возможности появления богослужебного устава применительно к жизни прихода можно говорить только после созыва церковно-практической комиссии, которая могла бы решить этот вопрос и поставить его на утверждение Поместного Собора.

А.М. Пентковский. Этот вопрос непосредственно связан с предыдущим. Действительно, исторически сложилось так, что приходской устав был заменен уставом монастырским, невозможность точного исполнения предписаний которого очевидна. К сожалению, не существует указаний, позволяющих соотнести устав, появление которого связано с Лаврой преподобного Саввы Освященного, с реальностями сегодняшнего дня, и во многих храмах постепенно формируется собственная практика сокращений. Необходимость особого «приходского устава» или, более точно, определения норм использования действующего богослужебного устава не вызывает сомнений. Но говорить сейчас о «приходском» уставе представляется преждевременным, ибо его появлению должно предшествовать не только обсуждение на Соборе, но и серьезная подготовительная работа по изучению литургического предания.